

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ МИРЕ

© 2018

С. Ю. ЛЕПЕХОВ

DOI: 10.7868/S0869190818020176

4–6 октября 2017 г. в г. Улан-Удэ состоялась 4-я Международная научная конференция **“Мир Центральной Азии”**, организованная Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и правительством Республики Бурятия при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

На конференцию было представлено 164 доклада (очных и стендовых), поступивших из 15 стран: Монголии, Японии, Индии, Китая, Кореи, США, Норвегии, Венгрии, Польши, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Турции; из 16 городов Российской Федерации: Москвы, Санкт-Петербурга, Элисты, Уфы, Екатеринбурга, Барнаула, Омска, Новосибирска, Кемерово, Абакана, Кызыла, Иркутска, Читы, Улан-Удэ, Якутска, Владивостока. Обсуждались проблемы истории и культуры кочевых народов Центральной Азии, становление кочевых обществ и культур, вопросы антропологии ранних кочевников, традиционное мировоззрение и религии народов Центральной Азии, народы Центральной Азии в современной геополитике, литература, письменность и язык монголоязычных народов Центральной Азии. Работа конференции проходила в шести секциях: “Восточноазиатское трансграничье: тенденции современного развития”, “Динамика историко-культурного развития народов Внутренней Азии”, “Центральноазиатский модерн: страницы истории”, “Религии в социокультурном пространстве Центральной Азии”, “Фольклор и литература Центральной Азии: ареальный и стадийный аспекты”, “Лингвистическая панорама Центральной Азии”.

На пленарном заседании выступил акад. РАН *Б.В. Базаров* (ИМБТ СО РАН) с докладом «Мир Центральной Азии в фокусе “Нового шелкового пути”», в котором обращалось внимание на конкуренцию между вариантами возможной реализации этого проекта, предполагающими различных бенефициариев. Любой из таких сценариев, по мнению докладчика, означает глобальный геополитический и культурно-исторический поворот (не только в масштабах Центральной Азии), к которому должны быть готовы основные вовлекаемые стороны, в том числе и в первую очередь Китай и Россия.

Жамбалын Цэцэгмаа (Междунар. ун-т, Улан-Батор, Монголия) обсуждала воспитательное значение законов “Их Засаг” (“Великой Ясы”) Чингисхана, представлявших собой кодификацию монгольского права и монгольских народных обычаев и долго служивших основным конституирующим фактором в монгольской империи, в то же время являясь и основой национального воспитания.

А.С. Зуев (Гуманитарный ин-т, Новосибирск) посвятил доклад анализу ордынского наследия в “аборигенной” политике Российского государства в Сибири в XVI–XVII вв. Отличием политики российского государства от соответствующей политики и практики европейских колониальных держав в описываемый период являлось отсутствие каких-либо принципов и норм, предусматривающих сегрегацию или дискриминацию по этническому признаку. Это обстоятельство способствовало не только сохранению культуры большинства сибирских народов, но и росту их численности.

В докладе *Л.Е. Янгутова* (ИМБТ СО РАН) рассматривались принципы взаимоотношения буддизма с государственной властью в странах Центральной Азии. Исследователь сделал вывод о наличии определенного сходства в подходах правительств многих стран Центральноазиатского региона в формировании государственной политики в отношении буддизма.

Доклад *Б.Д. Цыренова* (ИМБТ) “Российская монголоязычная лексикография XIX в.” был посвящен сравнительному анализу трех крупных словарей монгольского языка: “Монгольско-немецко-русского словаря” Я.И. Шмидта, “Монгольско-русско-французского словаря” О.М. Ковалевского и “Монгольско-русского словаря” К.Ф. Голстунского.

Секция **“Восточноазиатское трансграничье: тенденции современного развития”**.

В докладе *Аджда Патнаика* (Нью-Дели, Индия) “Центральная Азия: мост для взаимодействия Востока–Запада и Севера–Юга” отмечалось, что государства Центральной Азии в силу своего удобного стратегического положения на перекрестке энергетических, ресурсных и коммуни-

кативных потоков, связывающих Европу и Азию, континентальные области и океанические побережья, способны извлечь значительную политическую и экономическую выгоду.

Нямаа Галиймаа (Улан-Батор) проанализировала геополитический подход к внешней политике Монголии в XX в. Отмечены достижения, связанные с укреплением государственного суверенитета и международного авторитета, успехами в развитии экономики, культуры, социальной сферы. Показаны особенности геополитического положения, касающиеся отношений с двумя крупными центрами силы (Китай и Россия) и с Евросоюзом, Японией и США.

Рассмотрению эволюции дипломатических отношений в треугольнике Россия–Монголия–Китай в постсоветский период был посвящен доклад *Е. В. Нолева* (Улан-Удэ). В числе основных долгосрочных тенденций, характеризующих эти отношения, докладчик отметил стремление к достижению политического консенсуса, солидаризацию интересов и развитие стратегического партнерства.

В докладе *А. Н. Бешенцева* (Улан-Удэ) описывалась методика мониторинга социально-экономических процессов Центральной Азии на базе геоинформационной технологии. Была предложена система показателей для картографирования социальной и экономической динамики, представлены итоговые карты исследуемых процессов.

В ряде докладов обсуждались проблемы миграции и мигрантов. *Б. А. Дариева* (Улан-Удэ) рассмотрела феномен транснационализма и транслокации на территориях Великого Шелкового и Чайного путей в условиях глобализации. Один из выводов: зачастую мигранты вовсе не ориентированы на интеграцию. Трансмигранты, одновременно относящиеся к отправляющему и принимающему сообществам, создают транснациональные социальные пространства. *П. А. Чукреев* и *А. В. Саргаев* (Улан-Удэ), рассмотрев факторы и условия взаимодействия мигрантов из стран Центральной Азии с населением принимающей стороны, пришли к выводу о том, что большинство проблем в сфере привлечения и использования иностранной рабочей силы в РФ обусловлено отсутствием стратегического компонента в управлении миграции. *А. В. Винокурова* (Владивосток) отметила, что в семьях трудовых мигрантов из Узбекистана присутствуют как традиционные, так и инновационные элементы жизненного уклада. *Э. В. Хилханова* (Улан-Удэ) подчеркнула, что жизненные стратегии мигрантов-бурят в Западной Европе вписываются в рамки понятий транснационализма и космополитизма. По мнению *А. Д. Гомбожапова* (Улан-Удэ), основной вектор социальных изменений кочевого животноводства связан с развитием рыночных отношений, но основа хозяйствования остается традиционной.

И. Н. Дашибалова (Улан-Удэ) отметила, что феномен клановости в структуре государственного и муниципального управления Республики Бурятия признается экспертами в ходе социологических опросов, но носит замкнутый характер. Вместе с тем существующая жесткая схема влияния федерального центра и определенные сдерживающие механизмы законодательного контроля не позволяют считать данный фактор несущим серьезную угрозу стабильности общества.

Секция “Динамика историко-культурного развития народов Внутренней Азии”.

Д. Д. Васильев (ИВ РАН) подвел итог многолетнего изучения тюркской руники и эпиграфических памятников. Эпиграфика раннетюркской кочевой цивилизации служит единственным источником в описании политической, социальной, экономической и культурной истории. Воссоздание критического текста рунического памятника представляет собой сложный и многоуровневый процесс. Историко-филологические и археографические исследования в области тюркологии, совершенствуясь, дают возможность изучать памятники тюркской письменности на новом уровне и с новыми методиками.

Ю. И. Дробышев (Москва), рассмотрев семантику изображения птиц на некоторых древнетюркских каменных изваяниях, предположил, что изображения из Семиречья и Восточного Казахстана инкорпорировались в тюркскую культурную среду представителями согдийской элиты. Птица на древнетюркских каменных изваяниях означала именно охотничью птицу, принадлежавшую при жизни тому, кому было поставлено изваяние. Душа усопшего спускалась с неба и воплощалась в статую во время погребальной церемонии, а охотничья птица выполняла функции “ангела-хранителя” во время перелета из верхнего мира в средний, и последующего возвращения на небо.

В. В. Тишин (ИВ РАН) выдвинул гипотезу об идентификации хоронима Мо-суй, упоминаемого в обнаруженной в Монголии верительной бирке эпохи Тан, связанной с племенным на-

званием “си” и топонимом *тауї* орхонских памятников древнетюркской рунической письменности. На этом основании предлагается уточнить локализацию расселения племенной группы *бай-си* в VII в.

Г.Г. Пиков (Новосибирск) проанализировал концепцию киданьской истории в “Цидань го жи” Е Лунли. Данный текст представлял собой первое развернутое сочинение о северных варварах, методологически четко выверенное и насыщенное фактами повествование о народе, игравшем особую роль в истории региона.

Ю.А. Аверьянов (Москва) исследовал аспекты “народного шиизма” в структуре религиозных верований монголов-хазарейцев Афганистана. Хазарейцы осознают себя особой этно-конфессиональной общностью и до последнего времени оставались не полностью интегрированными в афганское общество.

Цэндэмаа Энхчимэг (Улан-Батор) охарактеризовал роль Великого Шелкового пути в эпоху Монгольской империи. Благодаря протекционистской политике монгольских ханов Великий Шелковый путь достиг вершины своего развития и обеспечил народам Запада и Востока возможность интенсивного общения и передачи друг другу политических, экономических, научных знаний, технологий и информации.

И.К. Дамбуева (Улан-Удэ), проследив генетическую дифференциацию популяций и микроэволюционную историю в Южной Сибири, пришла к выводу о том, что генофонд некоторых локальных популяций, ныне входящих в бурятский этнос, мог сложиться на основе предковых азиатских популяций, мигрировавших из Маньчжурии в эпоху голоцена.

А.В. Псянчин и *Л.Х. Алламуратова* (Уфа) проанализировали семантику определения, роль и функции “дороги” как элемента ландшафта и мировосприятия башкирского народа. Дорога в башкирской мифологии – ритуально и сакрально значимое место, имеющее многозначную семантику и функции.

Е.К. Карелина (Новосибирск) на основе анализа модели музыкальной культуры в Туве выявила противоречие между европоцентристской моделью музыкальной культуры и современной социокультурной ситуацией. В результате избранная модель модифицируется, что иллюстрирует потенциальные адаптивные возможности культурных феноменов.

Секция “Центральноазиатский модерн: страницы истории”.

Ю.В. Кузьмин (Иркутск) исследовал влияние геополитического проекта П.А. Бадмаева в Забайкалье, Монголии и Китае на внешнюю политику Российской империи на рубеже веков. По мнению докладчика, в проекте фактически впервые были использованы приемы “мягкой силы”, причем, с его точки зрения, экономическая часть проекта только прикрывала его суть; значительная часть оставалась секретной и до сих пор полностью не изучена. В целом проект оставался во многом утопичным и не мог быть реализован по ряду объективных причин.

В докладе *М.Н. Балдано* и *С.В. Кириченко* (Улан-Удэ) обсуждались обстоятельства создания бурятской автономии. Авторы сделали вывод о том, что в результате была сформирована уникальная система иерархически выстроенных национально-государственных образований, что в дальнейшем легло в основу федералистской модели государственного устройства. Создание Бурят-Монгольской автономной республики выходило далеко за рамки внутривнутриполитического процесса и оказало огромное воздействие на международную ситуацию в Восточной Азии, укрепив геополитические позиции России на Востоке.

А.Н. Соболева (Улан-Удэ) рассмотрела формы и методы антирелигиозной работы в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е гг. Несмотря на обилие применявшихся методов и форм антирелигиозной пропаганды и агитации, оказалось невозможным в сравнительно короткий срок искоренить основу жизненного уклада. В результате, по данным материалов антирелигиозной переписи 1937 г., только 43% опрошенного взрослого населения отнесли себя к числу неверующих.

Дальневосточная операция, представлявшая собой заключительный этап Второй мировой войны, стала темой доклада *Хайнзангийна Шагдара* и *Жалсраагийна Базарсүрэнэ* (Улан-Батор). Докладчики обсудили политические и военно-стратегические особенности проведения Дальневосточной военной кампании, в которой непосредственное участие принимала и Монгольская народная революционная армия, действовавшая в составе Забайкальского фронта под командованием маршала Р.Я. Малиновского. Как отметили докладчики, участие МНР

в военной кампании оказало влияние на развитие национально-освободительного движения народов Востока.

Тема доклада *Сануйдагва Ганболда, Баярмагнай Очирсурэна* (Удан-Батор) — роль СССР в подготовке военных кадров Монголии в период 1939–1945 гг. В докладе была особо отмечена деятельность советских военных инструкторов, работавших в МНР, обучавших монгольских солдат тактике, современным методам ведения войны, освоению новых образцов вооружения. Советские инструкторы привнесли на монгольскую землю европейский образ жизни, культуру, образование; стали проводниками русского языка, а иногда и преподавателями. Помощь СССР в подготовке военных кадров существенно способствовала повышению боеспособности и боеготовности МНРА, укрепила обороноспособность МНР и обеспечила возможность реорганизации армии в соответствии с современными требованиями.

Ряд докладов касался строительства и эксплуатации КВЖД. *В. Ю. Башкуев* (Улан-Удэ) рассказал о строительстве дороги и последствиях эпидемии легочной чумы 1910–1911 гг. в Маньчжурии, во время которой погибли 942 медицинских работника разных национальностей. Эпидемия показала уязвимость линии КВЖД и пограничных российских областей. Эпидемия невиданных со средневековья масштабов не переросла в евразийскую катастрофу лишь благодаря самоотверженной работе интернационального контингента врачей и до сих пор невыясненным обстоятельствам природного характера. Она представляла вызов геополитическим интересам России в Восточной Азии и угрозу ее внутренней безопасности, сравнимую лишь с эпидемией сыпного тифа времен Гражданской войны. *Л. М. Карчанова* (Чита) осветила события середины 1930-х гг., связанные с созданием на северо-востоке Китая марионеточного государства Маньчжоу-го и продажей ему Китайско-Восточной железной дороги. Большинство из железнодорожных работников, советских служащих, возвратившихся в СССР, были обвинены в шпионской деятельности в пользу японской разведки и репрессированы.

В. Г. Макаренко (Владивосток) рассмотрел особенности подготовки специалистов в Восточном институте Владивостока в 1899–1920-х гг. Докладчик отметил, что методика изучения монголоведения, разработанная в Казанском университете, была освоена в Иркутском университете и в Восточном институте. С 1899 по 1916 г. институт окончили более 500 человек (в том числе свыше 200 офицеров), которые служили в консульских, административных, промышленных, финансовых, военных и образовательных учреждениях Восточной Сибири, российского и зарубежного Востока.

Н. А. Куперштох (Новосибирск) оценила место Бурятского научного центра в системе центров Сибирского отделения РАН: БНЦ СО РАН относится к старейшим научным центрам Сибири; академическая наука Бурятии развивалась в тесной интеграции с другими научными центрами СО РАН. За 60 лет истории СО РАН в республике организованы институты, которые занимают уникальную нишу в области фундаментальных и прикладных исследований.

О. С. Ринчинов (Улан-Удэ) рассказал о создании сводного электронного каталога личных фондов в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. В настоящее время на учете стоит 44 архива выдающихся деятелей общественно-политической жизни, науки и культуры Бурятии. Докладчик осветил подходы к формированию базы данных и основные этапы их обработки. Были приведены результаты применения методов метаописания — таксономического и с помощью набора ключевых слов, извлекаемых из заголовков документов.

Доклады *И. Р. Гарри* (Улан-Удэ) и *В. В. Куфtareвой* (Иркутск) были посвящены экспедициям и экспедиционным материалам, собранным российскими учеными. В первом сообщалось об итогах экспедиции П. К. Козлова в Хорские княжества, а во втором — об использовании российских экспедиционных материалов 1910–1930 гг. в работах акад. Базарын Ширендыба.

Секция “Религии в социокультурном пространстве Центральной Азии”.

С. Ю. Лепехов (Улан-Удэ) рассмотрел некоторые тенденции в преобразованиях современного центральноазиатского буддизма и возможный вектор его дальнейшего политического и религиозного развития. Основное направление этих изменений и преобразований допустимо называть “модернизацией”. Теоретически возможны три ответа на инновации: развитие нового направления, неприятие новшеств и альтернативный путь развития и преобразований. Одной из важных тенденций в трансформации современного центральноазиатского буддизма, по мнению докладчика, является стремление к перенесению акцентов с обрядовой, религиозной стороны на этику, философию, логику, медицину и науку.

Буддийский культ Белого Старца стал предметом исследования *Д.С. Жамсуевой* (Улан-Удэ). Внимание уделено таким функциям данного персонажа буддийского пантеона, как: хозяин земли, местности; семейно-родовой покровитель; податель плодородия; покровитель животных и зверей. Дана характеристика образа старца в буддийской культуре рассмотрены иконографические изображения данного культа.

С.Б. Болхосоев (Улан-Удэ) и *Сампилдондов Чулуун* (Улан-Батор) используя этнографические полевые материалы и литературные источники, показали особенности шаманской системы мировоззрения. Докладчики выявили разнородность и разновременность формирования отдельных мифологических представлений о мире старых баргутов Китая и их функционирование в культовой сфере.

В.А. Василенко (Иркутск) рассказала о попытках придать автономный статус буддийской церкви в Урянхайском крае в начале XX в. На основе материалов российских архивов, многие из которых впервые были введены в научный оборот, излагалась позиция региональных российских властей по этому вопросу.

Тема выступления *Н.Н. Корниенко* (Улан-Удэ) — миссионерская деятельность Русской православной церкви в странах Восточной Азии. Внимание Святейшего Синода в начале XX в. к существующим заграничным миссиям было незначительным. К началу XX в. из пяти “восточных” миссий лишь японская духовная миссия была наиболее значимой благодаря деятельности архиепископа Николая (Касаткина).

Л.И. Крайнова (Иркутск) рассмотрела причины и последствия усиления роли буддийской церкви в Монголии в начале XX в. Буддизм, поддерживаемый пекинским двором как фактор ослабления власти светских монгольских аристократов, явился, неожиданно для “покровителей”, той консолидирующей силой, которая объединила народ против завоевателей, установив теократическую монархию. Именно буддийские монастыри явились хранителем не только монгольской культуры, но и науки. В них сформировались и развивались историческая наука Монголии, литература и письменность.

В докладе *Ц.П. Ванчиковой* (Улан-Удэ) была дана характеристика впервые вводимого в научный оборот монголоязычного текста устава монастыря Туб-Дэлгэр цогту-ийн чойра, составленного известным монгольским ученым ламой-богословом Зава Дамдином (1867–1937). Представлен синопсис содержания сочинения.

В докладе *Погого Чултэмсурэн* (Улан-Батор) сопоставлена легенда о халхаском Цогту-хунтайджи с данными летописных и эпиграфических источников, в частности с “Надписями на скалах халхаского Цогту-тайджи”. Докладчик считает, что надписи Цогту-хунтайджи представляют собой не только монгольские, но и мировые культурные ценности. Они свидетельствуют о том, что Цогту-хунтайджи по уровню образования намного превосходил других нойонов того времени.

Доклад *Халзангийн Орхончимэг* (Улан-Батор) был посвящен исследованию отражения истории монгольского буддизма XVI–XVII вв. в тибетских рукописях, до сих пор почти не изученных.

В докладе *А.А. Владимирцевой* (Санкт-Петербург) анализировались два комментария известного тибетского ученого Аку Шераба Гьяцо, которые, по мнению докладчицы, являются важными источниками по истории средневекового индо-тибетского буддизма. *А.В. Лощенков* (Улан-Удэ) исследовал литературное наследие Второго Панчен-ламы, в частности ряд текстов Лосанга Еше, впервые вводимых в научный оборот. *Ю.Ж. Жабон* (Улан-Удэ) проследила взаимосвязи центральноазиатских традиций врачевания на основе анализа малоизученного медицинского трактата “Сомараджа”, представляющего собой конгломерат аюрведических, китайских, монгольских традиций врачевания. *Ч.Ц. Цыренов* (Улан-Удэ) сделал сообщение о раннем сочинении китайского буддизма “Сутра в 42 параграфах” и его понятийном аппарате, в котором выявил традиционные китайские и новые для раннесредневекового Китая метафоры.

А.А. Базаров (Улан-Удэ) и *Тао Юань* (Сиань, КНР), используя результаты археографических экспедиций, провели сравнительное исследование бытования книжной культуры в Восточном Туркестане и среди буддистов-мирян Бурятии.

Тема выступления *Е.А. Ерохиной* (Новосибирск) — влияние глобализации на религиозный ландшафт Кош-Агачского района Республики Алтай. Реакцией на процессы глобализации стало рождение новых форм социокультурного неотрадиционализма, который проявляется в уси-

лении мифотворчества, связанного с локальной и региональной идентичностью жителей республики Алтай, в симбиозе местных религиозных традиций с мировыми религиями. *Б.Ц. Дондуков* (Варшава, Польша) рассмотрел некоторые подходы к типологии буддийского сегмента Интернета.

В докладе *И.С. Урбанаевой* (Улан-Удэ) “Буддизм и национализм” отмечалось, что в истории Внутренней Азии буддизм играл роль интегративного фактора, который сопутствовал национализму “включающего” типа и способствовал объединению людей. Но национализм “исключающего” типа, который служит фактором разделения людей, противоречит транснациональной сущности буддизма. Буддизм в своем аутентичном виде, по мысли докладчицы, не признает антропологических, этнокультурных, национальных, геополитических, государственных и профессиональных границ.

Секция “**Фольклор и литература Центральной Азии: ареальный и стадийный аспекты**”.

В докладе *Б.С. Дугарова* (Улан-Удэ) исследовались сакральные аспекты образа Алан-Гоа. В контексте Алан-Гоа предстает как прародительница рода борджигинов, чей материнский культ стал ядром этнической самоорганизации ее потомков под названием нирун-монголы. Солярный мотив в интерпретации образа Алан-Гоа содержит символику, связанную со значимостью уранического фактора в религиозно-мифологических представлениях монгольских кочевников.

Доклад *Жамбаагийн Ууганбаатар* (Улан-Батор) был посвящен анализу характера сказочных чудовищ в фольклоре кочевников. Отрицательные персонажи в монгольском фольклоре наделялись обычно чертами антигуманности и девиантного поведения, порицаемыми в обществе. В докладе *Ананд Амарсанаа* (Улан-Батор) анализировалась роль “свадебных песен” и “свадебной поэзии” в свадебных обрядах различных этнических групп в Монголии.

Л.С. Дампилова (Улан-Удэ) в докладе “Миф и история в топонимических легендах бурят и монголов” рассмотрела способы функционирования мифа в фольклорном тексте, сочетания мифа и исторических событий в топонимических легендах, трансформацию мифологических имен хозяев горных вершин в историческом контексте. Отмечалось, что этимология топонима, его сакральное значение меняется со сменой культурно-исторического фона.

В докладе *Юй Цзе* (Хух-Хот, КНР) сравнивались представления древних монголов об области, которая может быть обозначена как “область Богов”, так как они зафиксированы в монгольских исторических источниках и в эпосе “Жангар”. Автор пришел к выводу, что та область, где живут люди, считалась областью, на которую распространяется божественное могущество, но не божественная справедливость.

Тема женской красоты в башкирских мифологических эпосах “Урал-батыр”, “Акбузат”, “Заятуляк и Хыухылу” раскрыта в докладе *Г.В. Юлдыбаевой* (Уфа). *Бат Даржаагийн* (Ланьчжоу, КНР) отметил высокую ценность сакраментальных отношений, связывающих ребенка и мать в мифологии монгольских кочевников. Предметом исследования *Н.А. Хубитдиновой* (Уфа) была интертекстуальность как часть культурологии применительно к башкирской художественной словесности общетюркского периода. *Рагчаагийн Бугермаа* (Улан-Батор) исследовал влияние символизма, характерного для монгольской фольклорной традиции, на приемы и методы, используемые в современной монгольской беллетристике и поэзии, в частности на примере поэм Бэгзийна Явуухулана.

Секция “**Лингвистическая панорама Центральной Азии**”.

П.П. Дамбуева (Москва) рассмотрела тюрко-монгольские параллели в названиях жилища в монгольских языках. Изучение тюркизмов в монгольских языках дает возможность заглянуть в более ранние эпохи развития монгольских языков, так как монголистика не располагает текстами, написанными ранее XIII в. *Т.Б. Тагарова* (Иркутск) отметила роль метафоры в культуре монгольских народов, — образности, связанной с кочевым укладом жизни. *Е.В. Сундеева* (Улан-Удэ) проследила связь “духа” и “дыхания” в монгольских языках. В частности, рассматривалась внутренняя форма лексемы *sülde*, обозначающей жизненную силу, или духовную мощь, которая защищает человека так, что он может реализовать свою судьбу, предначертанную Небом. Доклады *Дэлгэрмаа Батмонхийн* и *Шинэбаяр Очиртогоогийн* (Улан-Батор) касались проблем образования и употребления технико-технологической терминологии в современном монгольском языке.

В докладе *Г.Н. Чимитдоржиевой* (Улан-Удэ) анализировались звуковые аспекты номинации некоторых метеотерминов в монгольских языках.

Топонимическая система как ресурс изучения и популяризации культурного наследия (на примере Хакасии) — тема доклада *А.Д. Касина* (Абакан). В докладе *С.В. Бураевой* (Улан-Удэ) были проанализированы лингвистические особенности старообрядческих рукописей Забайкалья. *Э.У. Омаева* (Элиста) исследовала текстовый подход в обучении калмыцкому и русскому языкам: на материале песенных текстов XIX в. в записи венгерского ученого Г. Балинта в оригинале и переводе. Проведенное исследование показывает, что большое значение имеют дискурсивные характеристики соответствующего песенного текста: условия его создания, бытования и функционирования, адресность, интертекстуальные связи, культурно-исторический фон эпохи и социальное восприятие.

В докладе *Золжаргал Батбуян* (Улан-Батор) рассматривалось развитие монгольской лексикологии, грамматики, орфографии и стилистики на основе сравнения языка “Сокровенного сказания монголов” и “Истории Асрагчи” Джембы (“Асрагч нэртийн туух”), датированной 1677 г.